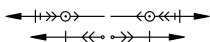

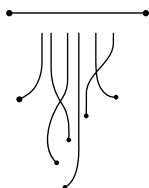

ВИКТОРИЯ БОРИСОВА

ВЕНЕЦ ДЛЯ КОРОЛЕВЫ ПРОКЛЯТЫХ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б82

Разработка серийного оформления *О. Запис*

Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Борисова, Виктория Александровна.
Б82 Венец для королевы проклятых / Виктория Борисова. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-191585-8

Могла ли простая деревенская девчонка, тем более некрасивая, мечтать о том, что когда-нибудь она станет королевой? Мать и отчим решили отдать Гвендилену в монастырь, не надеясь выдать замуж, и она сама почти смирилась со своей участью... Но однажды на берегу озера, пользуясь в округе недоброй славой, она нашла драгоценный венец изумительно тонкой работы и, примерив его, поверила, что все еще может измениться!

Тогда она еще не знала, что за все приходится платить. И порой цена оказывается слишком высока...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191585-8

© Борисова В.А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Пролог

Стоя на опушке мертвого, выгоревшего леса, женщина вглядывается в даль. Черные, обугленные деревья высятся у нее за спиной, а впереди расстилается плоская каменная пустошь. Лишь кое-где торчат небольшие островки сухой травы, да колючие кусты, лишенные листьев, оцетинились длинными острыми иглами... Чуть поодаль поблескивает гладь озера, но темная, смоляная вода кажется ядовитой, несущей гибель всему живому. Остов древней полуразрушенной башни, что виден вдалеке, у самой линии горизонта, похож на скелет древнего чудовища — мертвого, но непостижимым образом все еще опасного и свирепого, поджидающего свою жертву.

Все вокруг словно дышит безнадежностью и отчаянием. Низкие тучи нависли над головой, солнца не видно, лишь багровые сполохи пробиваются сквозь серую пелену. Сам воздух здесь кажется отравленным — сухой, горячий, пахнувший гарью и еще чем-то неуловимо жутким, отвратительным, пугающим, напоминающим то ли запах тлена, то ли тонкий, но опасный аромат ядовитой травы *анврак*. От него слезятся глаза и першит в горле, хочется прикрыть лицо, задержать дыхание...

Женщина уже не молода, но все еще очень красива. В осанке, взгляде, складке губ, в повороте головы чувствуется особая сила, даже нечто царственное. Она одета в простое темное платье, ниспадающее свободными

складками, но на голове переливается всеми цветами радуги венец изумительно тонкой работы, украшенный драгоценными камнями. В середине, надо лбом, сияет крупный ярко-зеленый самоцвет, вделанный в оправу в форме глаза. Он сделан так искусно, что кажется живым всевидящим оком.

Подняв руку, женщина легко прикасается к нему... И кажется, это придает ей уверенности. Она даже улыбается — чуть заметно, одними уголками губ.

Пальцы ощутили особое, нежное тепло и вместе с тем легкое покалывание, словно от присутствия мощной, грозной силы, наполняющей все ее существо. Много лет назад ей уже доводилось испытать это странное, ни с чем не сравнимое чувство, и, наверное, после того дня вся ее жизнь изменилась необратимо.

Это было давно, очень давно...

Часть I

ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВЧОНКА

Глава 1

— Айя-а!

— Гвендилена-а!

— Я сейчас поймаю тебя!

— Только попробуй!

Звонкие девичьи голоса далеко разносятся над водой. Над озером Трелоно, именуемым также Проклятым или Бездонным, полыхает багрово-алый закат, и от воды поднимается легкий туман.

Две девушки-подростка плещутся на мелководье. Та, что чуть постарше — крупная, белокожая, с выющимися золотистыми волосами, — поднимает фонтаны брызг, пытаясь схватить сестру, другая — худощавая и черно-волосая — ложится на воду и неумело, но старательно плывет туда, где глубже и ноги не достают до дна, отчаянно колотя руками и ногами.

— Ну куда ты... Там глубоко! — беспокоится старшая.

— А ты поймай меня, трусиха! — поддразнивает ее сестра.

— Солнце заходит... Хочешь угодить в Аннун? — голос старшей предательски дрожит. Она уже напугана не на шутку и с трудом сдерживается, чтобы не заплакать.

Одно упоминание об Аннуне — сумрачном царстве теней, куда, по преданию, попадают только проклятые души да еще люди по неосторожности и неразумию

оказавшиеся близ опасных мест, открывающих путь в иные миры, — заставило опомниться отчаянную девчонку.

— Ну хорошо, хорошо, выхожу... — сдалась она.

Девушки вылезли из воды, дрожа от холода, натянули домотканые льняные платья, помогли друг другу зашнуровать тесемки... Если мать узнает, что они купались, да еще на закате, — обеим несдобровать. Отправляя дочек в соседнюю деревню к дальней родственнице Ольгине отдать старый должок, она строго-настрого наказывала не сходить с дороги и возвращаться засветло.

Но вместо того чтобы поспешить домой, девушки сидят на камне и смотрят, словно завороченные, как солнце медленно опускается, окрашивая темные воды озера в багровый цвет, будто наполняя его кровью... Хотя озеро издавна почитается у окрестных жителей недобрым и опасным местом, где случалось порой такое, что не к ночи и вспоминать, но все же есть в нем своя особенная, дикая красота! К самой воде подступают причудливые каменные глыбы, похожие не то на окаменевших великанов, не то на руины древнего и величественного сооружения, неведомо когда и кем возведенного. Кажется, что здесь не властно само время, не действует привычный порядок вещей, невозможное становится возможным и случаются чудеса...

Старшая, Айя, мечтательно протянула:

— Говорят, тут иногда находят сокровища... Одна девушка перед свадьбой нашла ожерелье. Вот бы и мне найти что-нибудь! Буду самой красивой невестой.

Гвендилена только вздохнула. Сестра уже просватана и скоро выйдет замуж. Пусть ее жених, графский конюх по имени Вилерд, уже не молод (целых тридцать лет! почти старик), толст, неуклюж, у него рыжие воло-

сы и смешные висящие усы, он громко хохочет, от него всегда пахнет пивом и луком, зато Айя станет взрослой замужней женщиной и, мало того, переберется в усадьбу. Там совсем другая жизнь — пиры, турниры, знаменитая графская охота, нарядные дамы и кавалеры... Даже слугам живется не в пример сытнее и веселее, чем крестьянам в деревне!

Хоть бы одним глазком посмотреть.

— Я тоже хочу! — отозвалась Гвендилена.

— Зачем тебе? — фыркнула старшая. — Ты ведь все равно обещана монастырю!

Гвендилена ничего не ответила, но брови сдвинулись, тонкие губы сжались в нитку, и лицо приняло жесткое и упрямое выражение. О том, что ей придется уйти от мира, чтобы всю жизнь работать и молиться, не видя ничего, кроме обители, знали все — и семья, и соседи... ну и она сама, конечно. Куда еще деться дочери бедной вдовы, особенно если красотой девушка не отличается? Хорошо еще, что монахини согласились ее принять. По крайней мере, голодать ей теперь точно не придется!

Гвендилена тысячу раз слышала эти резоны, но все же сердце отказывалось верить, что совсем скоро кованые ворота обители Всех Богов закроются за ней навсегда, отсекая от остального мира, от прежней жизни, от смутных надежд и мечтаний, от видений, что порой являются в ночи...

К тому же она привыкла к мысли, что монастырь — это далеко, когда-нибудь, когда она станет взрослой. А это будет еще не скоро! Но вдруг оказалось, что время пролетело как-то незаметно. Совсем недавно Гвендилена с удивлением осознала, что это лето — последнее беззаботное время в ее жизни. Сразу после праздника Жатвы, когда монастырь, по обычаю, откроет двери

для новых послушниц, она должна будет покинуть родной дом. Даже повеселиться на свадьбе сестры не успеет.

— Был бы жив отец, этого бы не случилось! — отрезала она.

Старшая опустила глаза. В самом деле, семья их была не совсем обычной. Отец Ригор был лесником и егерем графа Ральхингера. Однажды, будучи в хорошем расположении духа, граф даже назначил его старшим лесничим. Хотя в жизни отца от этого ничего особенно не изменилось, свое звание он носил с гордостью и по праздникам любовно начищал до блеска медный жетон с изображением скрещенных дубовых листьев, нарочно отлитый для него по приказу графа. Эту бляху он берег как самую большую драгоценность. Маленькая Гвендилена лишь изредка, украдкой, осмеливалась прикоснуться к ней и тут же отдергивала руку, опасаясь, что ее застанут на месте преступления и сурово накажут.

Впрочем, боялась она совершенно напрасно — в лесу отец проводил значительно больше времени, чем дома. Угрюмый, неразговорчивый, заросший черной бородой до самых глаз, с диковатым взглядом, он иногда казался почти что зверем. Мать — пухленькая, белокурая хохотушка, любившая цветные занавески, вышитые салфеточки, кошек и сдобные булочки, изрядно побаивалась его, хотя отец никогда не ругался и не дрался, как соседские мужчины. В его присутствии она как-то съеживалась, даже становилась меньше ростом, смотрела в сторону, говорила тихо и односложно, и на лице ее каждый раз появлялось странное выражение — одновременно испуганное и отстраненное.

Старшая дочь, Аяя, во всем подражала ей — так же морщила нос, когда Ригор возвращался домой, пахнувший

дымом от костра или перепачканный болотной грязью, так же брезгливо ошипывала дичь или чистила рыбу... Ели, правда, обе с аппетитом.

Зато Гвендилена в отце души не чаяла. Девочка удалась вся в него — такой же странной, молчаливой, даже диковатой. Как бы хотела она родиться мальчишкой, чтобы бродить по лесам вместе с отцом, знать каждую тропинку, понимать зверей и птиц, охотиться на зорьке, ежиться от холодной росы, пить из родника... Прижимаясь лицом к его походной куртке, висящей на гвозде в передней (ласкаться к отцу она не смела), маленькая Гвендилена мечтала о том, что, когда она вырастет, он станет брать ее с собой... И может быть, поймет со временем, что она ничем не хуже, чем сын, которого он так и не дождался!

Но надеждам ее не суждено было сбыться. Однажды весной трое молодых рыцарей решили поохотиться в графском лесу. В эту пору охота была строжайше запрещена — но что с того молодым и бесшабашным! Не в добрый час им повстречался лесничий... Они как раз собирались свежевать убитую лань. Что случилось дальше, доподлинно никому не известно, но домой отец больше не вернулся.

Никто бы не узнал о том, что с ним случилось, если бы не Варм — крупный черно-пегий охотничий кобель старинной аридамской породы, бывший его неизменным спутником. После гибели хозяина он выл всю ночь, да так страшно, что дети в деревне не могли заснуть, а старухи шептали молитвы, отгоняющие злых духов и оборотней.

Наутро пес прибежал в усадьбу Ральхингера. Здесь его знали — сам господин граф нередко хаживал на охоту в сопровождении Ригора и восхищался отлично ната-

сканным псом, который умел подать в руки птицу, не помяв ни перышка. Он даже хотел купить собаку, предлагал любые деньги, но лесник неожиданно заупрямился. Как ни странно, граф не разгневался, лишь приказал пустить кобеля к лучшей суке со своей псарни, дабы получить от него потомство. С тех пор в усадьбе появились веселые длинноухие крапчатые щенки...

Граф приказал накормить собаку, но Варм не притронулся к пище. Непрерывно скуля и кротко взлаивая, он то отбегал, то возвращался, словно зовя людей с собой. Поняв, что случилось неладное, граф в сопровождении свиты отправился за ним. Пес привел их туда, где в неглубоком овражке лежало тело хозяина. Убийцы даже не потрудились закопать его как следует, просто забросали ветками и прелой прошлогодней листвой.

Господин граф был вне себя от гнева. Он даже не сразу заметил, что трое молодых рыцарей почему-то побледнели и упорно отводят глаза, стараясь не смотреть на мертвое тело... Один даже попытался незаметно улизнуть, прячась за спинами товарищей, но Варм оказался проворнее.

Пес бросился на убийцу, повалил на землю и уже нацелился вцепиться в горло, но граф приказал слугам оттащить его. Перепуганный юноша клялся, что невиновен, но, когда из крепко сжатого кулака покойника достали серебряную пуговицу от его камзола, перестал запертаться и признался во всем. Его сообщники тоже не смогли долго утаивать содеянное — изблотив главного виновника, Варм так злобно рычал на них, что казался не просто собакой, а воплощением *биггелиаль* — адовых псов, что преследуют грешников в загробном мире.

Суд над убийцами лесника состоялся в тот же день. Господин граф был человеком по-своему справедливым,

а потому, несмотря на отсутствие свидетелей — по крайней мере, тех, что ходят на двух ногах и наделены даром речи, — счел доказательства вины молодых рыцарей достаточными для смертного приговора. «Божий суд свершился!» — постановил он, и виновных повесили, несмотря на благородное происхождение. Тела их болтались на виселице несколько дней в назидание всем, и вороны кружились над ними с громким карканьем, справляя свою зловещую тризну.

Ригора похоронили на кладбище с соблюдением всех положенных обрядов — священник помолился за его душу, чтобы легче было покойному держать ответ перед Властелином смерти, соседи справили скромные поминки, и на могиле даже поставили камень. Пес улегся рядом и не сдвинулся с места, пока не издох. Господин граф, тронутый такой верностью, приказал похоронить собаку рядом с хозяином. Конечно, это было делом неслыханным, но, с другой стороны, если пес может свидетельствовать против человека на Божьем суде, так почему не может отправиться в Далекie поля вместе с тем, кого любил?

Ригора в деревне скоро все позабыли — из-за своей нелюдимости он не пользовался особым расположением односельчан, — но осиротевшей семье нужно было как-то жить дальше. Несмотря на то что граф приказал выплатить вдове щедрое вспомоществование из-за потери супруга и кормильца, она совсем растерялась. Впервые повязав на голову широкую ленту с косым крестом — вдовый знак, что надлежит носить во время годовичного траура каждой женщине, потерявшей мужа, — она как будто сразу постарела на много лет, а главное, утратила желание жить.

Бывало, целыми днями бедная женщина бродила по дому в одной сорочке, непричесанная, и все валилось

у нее из рук... Соседки из жалости подкармливали девочек и шептались, что, видно, суждено бедняжкам остаться круглыми сиротами.

Однако этого все же не случилось. К вдове начал захаживать сосед — пожилой и тоже вдовый лавочник Кирдал. В деревне многие ходили в его должниках, так что соседки даже завидовали. Еще бы! Не успела одного мужа схоронить, и вот уже другой у порога.

Мать быстро ожила, снова радостно принялась хлопотать по хозяйству, дом засиял чистотой и на кухне запахло такими любимыми ею свежими булочками... В свободные минуты она сидела за рукоделием, думая о чем-то своем, и на лице у нее появлялась застенчивая и нежная улыбка, как у юной невесты, ожидающей суженого у окошка.

Скромная брачная церемония состоялась сразу же после того, как истек срок годовичного траура. Правда, отчим оказался весьма прижимистым и не раз сетовал, что ему, человеку небогатому, приходится по доброте душевной кормить падчериц. Айя краснела и опускала глаза, а Гвендилена вся сжималась от еле сдерживаемого гнева... Горек хлеб, если им попрекают!

Но вскоре и тут все устроилось наилучшим образом — Айя приглянулась одному из графских слуг. Оставалось лишь подождать немного, чтобы она вошла в возраст невесты. Мать обрадовалась и тут же, не теряя времени, принялась собирать потихоньку нехитрое приданое. Даже отчим стал как-то добрее. Еще бы, ведь для девушки из деревни попасть в замок — большая удача! Да и родня, как правило, в накладе не остается... Младшую же, Гвендилену, которая не отличалась особой миловидностью («Худая, как жердь, рот лягушачий, да еще и дикая какая-то... Кто тебя только замуж возьмет?» — бывало, с досадой говорила мать), решено было отправить в монастырь.

Она и сама давно смирилась со своей участью, но сейчас, глядя на полыхающий над озером закат, впервые задумалась о том, чем заслужила такое — провести всю жизнь взаперти, словно узница в тюрьме? Это было так несправедливо, что девушка почувствовала, как обида закипает в душе и к глазам подступают жгучие злые слезы.

— Смотри! — восторженно воскликнула Айя. — Смотри, что там!

Гвендилена вздрогнула от неожиданности и повернула голову туда, куда указывала сестра. На камне высотой примерно по пояс взрослому человеку, похожем не то на цветок, не то на чашу, покоящуюся на тонкой изящной ножке, что-то сверкнуло в лучах заходящего солнца, да так ярко, что глазам на миг стало больно. Девчонки переглянулись и, не сговариваясь, бегом бросились туда.

Бежать по песку почему-то оказалось тяжело. Ноги вязли, мелкие камешки больно кололи подошвы... но отступать просто так девушки не собирались. Вскоре они уже стояли перед камнем-цветком — красные, запыхавшиеся, с растрепанными волосами — и не верили своим глазам. Еще бы! Перед ними лежало настоящее чудо — золотой венец изумительно тонкой работы. Трудно поверить, что человеческие руки могли сотворить такое... Блеск драгоценных камней завораживал, оправка казалась сотканной из золотого кружева, но главное — зеленый глаз в центре выглядел совершенно как живой!

И он наблюдал за ними.

Не смея прикоснуться, они любовались драгоценной находкой. Наконец Айя решилась.

— На свадьбе я буду лучше всех! — выдохнула она.

Дрожащими от волнения руками она осторожно взяла венец и уже хотела было надеть его, но не успела. Бесшумно, как кошка, Гвендилена бросилась на сестру. Не ожидая нападения, та упала, и они покатались по пе-